

Творческий конкурс в рамках XVIII краевого фестиваля «Журналистская весна – 2025»

В специальной номинации «Защита прав человека» представлен внештатный автор газеты «Верный путь» **Алёна ШЕБАЛКОВА**.

Алёна Шебалкова активно сотрудничает с АНО «Медиацентр «Мой район», постоянный автор в газете «Верный путь».

Алёна живет в Перми, но родом из села Сосновки Ординского округа. Пишет историю села, ведет группу в ВК «с. Сосновка, Ординский р-он, Пермский край», занимается исследованием истории малой родины, историей её жителей, медеплавильного производства в Ашапе, работает с базой данных архивов.

На конкурс представлены материалы автора:

«Вырвали, как дерево, с корнем», газета «Верный путь» от 21 ноября 2024 года, № 47.

Главный редактор
газеты «Новости Кунгурского края»

Людмила Михайлова

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Первыми выселили крымских татар. Пришла очередь болгар и греков. ↓

Вырвали, как дерево, с корнем

Судьба одной семьи, в которой отразилась история более 200 тысяч татар, немцев, греков, болгар, армян, выселенных из Крыма

Алёна Шебалкова

День памяти жертв политических репрессий в России отмечается ежегодно 30 октября. Для нашей семьи это не просто день календаря. События 1944 года стали началом печальных страниц нашей семейной истории.

ПРОСТОЕ СЕМЕЙНОЕ СЧАСТЬЕ

1 ноября в 1929 году в Крыму, в Карасубазарском районе, деревне Ново-Николаевке, родился мой дед Дмитрий Петрович Лапчев, в семье просто Митя. Его родители – Лапчевы Пётр и Прасковья – поженились против воли её отца Дмитрия. Пётр выкрал девушку, сделав подкоп под забором. Только после рождения сына, названного в честь деда Дмитрием, отец простил дочь за побег.

Всегда с грустью пересматриваю малочисленные фотографии, где прабабушка беременна, где дед совсем маленький. Они жили и радовались своему счастью, даже не подозревая, что им предстоит...

Болгары появились в Крыму еще в 1800-х годах, попросив защиты у России от турецкого рабства. С тех пор жили и осваивали землю, непростую для возделывания. Сложность работы заключалась в том, что почва сама по себе каменистая и всегда была проблема с водой. Но люди нашли выход и разбили большие сады и виноградники, разработали поля для посева пшеницы.

В ЛОВУШКЕ

Великая Отечественная война коснулась всех без исключения, а по некоторым, после её окончания, прошла катком еще и советская власть. Немцы довольно быстро захватили Крым и люди, живущие там, оказались в ловушке. Оккупационные власти установили продовольственный налог для всех крымских крестьян, независимо от национальности. Позднее крымчанам предъявят это в вину – участвовали в заготовке хлеба и продуктов питания для немецкой власти. С 1942 по 1944 годы оккупации тысячи местных жителей угнали в Германию на работы, и это тоже «запишут» потом как вражескую вербовку.

В мае 1944-го, когда гремели залпы праздничного салюта в честь освобождения Севастопо-

Пётр и Прасковья Лапчевы, 1929 год. ВСЕ ФОТО: ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА А. ШЕБАЛКОВОЙ

« В Сосновке Митя и Настя жили очень бедно. Отец, по сути, бросил их, но это, пожалуй, было лучше, чем жить с мачехой. Выжидали только благодаря тому, что была коза и помогали люди.

ля, в крымских НКВД и НКГБ уже кипела работа – выявляли «агентуру противника, изменников Родины и пособников фашистских оккупантов».

Первыми выселили крымских татар. В июне пришла очередь болгар и греков. Эшелоны ухаживали на Урал и в Сибирь. Выселяли даже стариков.

ИЗ ГУБАХИ В АШАП

Из воспоминаний моего деда Дмитрия Лапчева: «На сборы дали несколько часов, с собой разрешили взять на одного человека не более 20 кг, загрузили в товарные вагоны с маленькими окошечками под крышей. Через пару недель люди обезумели от голода и нечеловеческих условий, стали пропадать маленькие дети. Мама постоянно держала при себе дочерей Настю и Жанну и

мне наказывала быть рядом. Отец иногда уговаривал охрану поменять какую-нибудь вещь на кипятки. На полстанках собирали шелуху от семечек с перрона. Выжили лишь благодаря тому, что взяли с собой полмешка кукурузной муки. Особенно ночами было очень холодно, и постоянно снился дом, теплый Крым».

Так семья Лапчевых в числе прочих оказалась в бараках под Губахой. Через пару месяцев оттуда людей распределили по колхозам. Отец Дмитрия – Пётр Степанович (мой прадед) в родной деревне в Крыму работал председателем колхоза. Из Губахи его отправили в Ашап.

Жена, Прасковья, по дороге из Крыма заболела туберкулезом и зимой 1946 года умерла. Жили они очень бедно и голодно. Местные жалели и подкармливали чем могли. Одна из женщин рассказывала, что Прасковья разговаривала на русском плохо, но очень благодарилась и плача просила не бросать её детей. Ей было всего 37 лет. Остался старший Митя 17 лет (мой дед), Настя 12 лет и Жанна 7 лет. Похоронили её на кладбище в Ашапе.

ЗЛАЯ МАЧЕХА

Пётр вскоре после смерти Прасковьи женился на Елизавете из Красного Ясыла. Они переехали жить в Сосновку, Петр работал бригадиром. И как в плохой сказке – мачеха ненавидела детей мужа. Почему? Одному богу известно. Своих детей у нее не было. Рожала пару раз девочек, но они умирали. Местные рассказывали, что мачеха не допускала детей даже до стола. Митя спал на тряпках на голбчике, там же и ел, если даст Елизавета. Отец, видимо, не вмешивался, занят был колхозными делами.

Через какое-то время Пётр с женой и младшей дочерью Жанной переехали в Малый Ашап, помимо родного болгарского, он хорошо знал русский и татарский языки. Там он тоже был бригадиром. Митя и Настя остались жить в Сосновке.

Лиза не работала, и за тунеядство последовало наказание – их выселили на Дальний Восток. По возвращении остановились жить в Кунгуре.

Я не люблю смотреть фотографии, где есть Елизавета. Её не люблю и не прощаю за все унижения и страдания, что пришлось пережить и без того несчастным детям.

ХРАНЮ РУБАШКУ ДЕДА

В Сосновке Митя и Настя жили очень бедно. Отец, по сути, бросил их, но это, пожалуй, было лучше, чем жить с мачехой. Выжидали только благодаря тому, что была коза и помогали люди.

Митя познакомился с Машей Друзиной. Начали дружить. Мама Маши, моя прабабушка, Александра Андреевна позвала Митю жить к ним. Из вещей у него было только то, что на нем. Тогда бабушка Саша распорядилась заколоть свинью и на вырученные деньги купила Мите одежды. Так в 1950 году появилась молодая семья Лапчевых.

Настя к тому времени работала в Михайловке на лесозаготовке, потом переехала в Орду на пекарню. Дед всю жизнь был благодарен бабушке Саше, и она его любила как сына. С Марией они прожили счастливую жизнь, воспитали достойных детей.

На болгарском он разговаривал только с отцом, детей не учил языку – за годы унижительных отметок страшно было, что даже за это могут наказывать. Пел иногда шуточные песенки и считалочки.

Бабушка жалела, что её Митя ушел слишком рано. Дедушка умер от рака легких в 1989 году, прожив всего 59 лет.

Из детства я помню только один эпизод с ним – как он вез нас на автобус в Ашап на мотоцикле, нам нужно было возвращаться домой в Нерчинск. Я сидела у мамы на коленях в коляске, а он за рулем, и рубашка от ветра надувалась как парус на спине. Он ехал и плакал, зная, что больше не увидится с нами... Рубашка его до сих пор хранится у нас, и я почему-то очень люблю ее надевать.

С ТОСКОЙ ПО РОДИНЕ

Прадед Петр прожил всего 54 года. Жил в вечной тоске по родному Крыму. Приезжая в гости к сыну в Сосновку, смотрел на фотографию своей Паши и плача просил прощения... Умер в Кунгуре в 1960 году.

До марта 1956 года все репрессированные состояли на спецучете и не могли покидать указанную им для жизни территорию без разрешения НКВД, иначе наказание – 20 лет тюрьмы. Но в 1956 году Петр был уже слишком болен, чтобы уехать на родину... да и ехать было некуда – сразу после депортации в их дома заселили татар с Воронежской области и украинцев с Западной Украины.

ПРИГОВОРЫ НКВД

Казалось бы, прошло столько лет и меня напрямую это не коснулось. Но, видимо, это и есть генетическая память, до сих пор отдается глухой болью где-то внутри. Именно поэтому, когда мне случайно попадает информация о том, как Сталин умирал несколько дней в муках – мне его не жаль. И Берия не жаль, ВМН (высшая мера наказания) – слишком мягкий приговор.

Около года назад мне удалось получить доступ к архиву Крыма. С тех пор я пересмотрела очень много документов, в том числе и приговоры НКВД. В 90% случаев это ВМН болгар, греков, татар... Этнических евреев уничтожили немцы за годы оккупации.

Только после смерти Сталина признают, что совершили ошибку при такой масштабной зачистке Крыма. Но от этого не легче. Сколько было убито, сколько погребено по дороге на места ссылки (эшелоны шли больше недели по железной дороге). Когда видишь эти сводные таблицы, состоящие из цифр, – понимаешь, что за каждой цифрой стоит человеческая жизнь. Самое страшное, что уцелевшие люди растеряли свои национальные традиции, обычаи. У них просто отняли все, вырвали с корнем, как дерево.

Помимо рассекреченных документов, я просматриваю также метрические книги. В деревне Кабурчак, где жили Лапчевы, практически все были родней друг другу. Знаю, что помимо Лапчевых, в Ординском районе еще проживало несколько репрессированных болгарских семей. В Ашапе жили Тричевы, дед близко общался с ними. Куда потом они уехали, неизвестно. В любом случае, если у кого-то есть болгарские корни с Крыма – напишите мне. Я думаю, нам будет о чем поговорить.

Дмитрию Лапчеву 18 лет.

Дмитрий и Мария Лапчевы, их дети – Виктор, Александр, Нина, мать Марии – Александра Андреевна Друзина.